

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ

Мы начинаем публикацию отрывков из готовящейся к печати книги известного оперного режиссера, народного артиста СССР, профессора Георгия Ансимова - «Сергей Прокофьев: тропаю оперной драматургии». Эта работа станет событием не только для профессионалов музыкального театра. Белые пятна в судьбе русского гения давно ранят душу тем, кому дороги судьбы российской эмиграции. Творчество десятков сотен наших талантов исковеркано руками кровавой власти и партийной цензурой.

Задача исследователя - не только понять и осмыслить трагический путь гения, но проникнуть в глубины его души, рождавшей музыку, оперную драматургию. Важная особенность этой работы состоит в том, что

автор будущей книги - режиссер, осуществивший постановки всех восьми опер Прокофьева в крупнейших театрах мира, в том числе в Большом. Будучи крепко связанным с героями прокофьевских сочинений, Ансимов является не только автором ряда их сценических редакций, но и опытным, проникновенным исследователем характеров столь различных меж собой героев, как Семен Котко и Алексей Маресьев, Наташа Ростова и Маддалена.

Но главной, центральной фигурой автора - режиссера и на сцене, и на страницах книги, была и остается ярчайшая и глубоко трагическая личность XX века - Сергей Прокофьев.

Ирина ГОРЮНОВА.

Недоигранная симфония

Две вехи - 199 г. - 24 фев. - с. 3.

«...черт меня дернул родиться в России с умом и талантом!»

А.Пушкин

Черт дернул М.Горького, С.Прокофьева, А.Эфрона, Марину Цветаеву... вернуться в Россию...

Двадцатый век уходит.

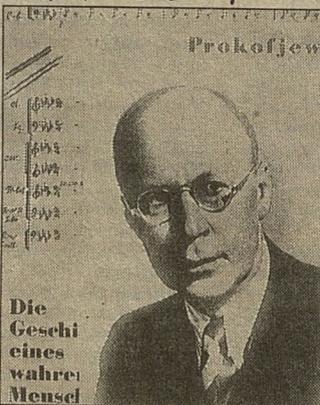
И чем он дальше, тем его события, казалось, такие огромные, что должны навсегда врезаться в память: мировые войны одна и другая, Октябрьская революция, гражданская война в России, русско-японская война или война во Вьетна-

ме, а тем более политические столкновения, что нам казались такими значительными; революция 1905 года (уж была ли она?), знаменитая тридцать восьмая параллель, разделившая Корею на два государства, строительство социализма в Европе, Азии, на Кубе, в Чили или Никарагуа, «Карибский конфликт» - все это тает в памяти стариков и совсем не вписывается в память молодых. Им - все эти события, такие огромные, от которых у старых до сих пор дрожь и волнение, - совсем неинтересны. Но Бог разберет и стариков и молодых. Пройдет время, и события и когда-то гремевшие имена политиков, вызывавшие слезы радости или озноб страха, - все это утечет во все поглощающую Лету, куда, как в сточную канаву, стекает вся история.

А подлинно великое действительно видится на расстоянии. И чем дальше уходящий век, тем отдельные фигуры науки и искусства ближе, крупнее и чем дальше, тем величественнее. Их немного. Мир будет называть отдельные имена науки вечно, и на неколебимый пьедестал искусства память вознесет врезавшиеся в вечность имена.

История сама перечислит литераторов, поэтов, художников. Театр и музыка так же воздвигнут имена, оставшиеся от двадцатого века навсегда. Одно из них - имя **Сергея Прокофьева** со временем становится все ярче и крупнее, понятнее и ближе и - о чем мало сказано - трагичнее.

Но нельзя, озирая оперное творчество Прокофьева, не видеть, что становление, творческое возмужание и развитие драматурга Прокофьева идет по странной линии. Опыт - «Мад-

далена». Начало - «Игрок». Зрелое творчество таланта - «Апельсины», «Огненный ангел» и виртуозное «Обручение в монастыре», и - потом вдруг «прокофьевское» начинает колебаться, вяннуть. Переделки, странные метания, почти постепенное иссякание «прокофьевского» в последней опере - «Повесть о настоящем человеке». Разве «Повесть» писал кто-то? Разве эту оперу доделывали, как «Князя Игоря» или редактировали, как «Хованщину»? Нет, это писал тот же Прокофьев.

Тот же?

За искажением подлинно прокофьевской целеустремленности, уверенности, неисчерпаемой силы стоит другая сила. Сила, с которой этот художник столкнулся, вернувшись в Россию, и с которой он, пытаясь бороться, все же не совладал.

Об этом пока еще мало сказано. Но чем дальше будем изучать и воплощать оперы Прокофьева, тем слышнее будет хруст костей гения под идеологическим прессом, и будет все больше видиться та драма, которая не была описана, но которая, к сожалению, была.

Сколько было замыслов, уже начатых сочинений. Душа рвалась спеть прокофьевскую песню до конца - светлого, мощного, победного и еще далекого.

Болезнь ударила его неожиданно. Нервы и сосуды не выдержали перегрузок. С 1945 года он все старается выздороветь, но идеологические запреты, указания, ограничения и прочие «Постановления» только усугубляют болезнь. Режим его, назависимого, рожденного для свободного творчества, ломал и - он умер.

Умер в один день со своим гонителем. Пышные, на весь мир шумные похороны вождя со слезами, воплями, клятвами и задавленными в миллионной толпе и безвестная, бесславная кончина Прокофьева без цветов - все цветы мира были у другой могилы.

То ли гонителя Бог убрал вместе с жертвой, то ли судьба сравнила историю политика и художника и дала понять, что можно властвовать, ломать, уничтожать, убивать и - кануть в Лету, и можно быть гонимым, судимым, сломанным и остаться с человечеством навсегда.

Георгий АНСИМОВ.